

Ал. Ершовъ.

З а п а д н я .

РАЗСКАЗЪ.

Когда стараго Хаима Меркеля спросили, почему онъ не уѣзжаетъ, онъ покачалъ головой:

— Зачѣмъ? Развѣ мнѣ и здѣсь не хорошо?

Тогда всѣ въ одинъ голосъ стали доказывать, что пруссаки жестоко обращаются съ жителями, что его могутъ разстрѣлять, и что лучше уже бросить все, чѣмъ попадаться въ ихъ руки.

Но старикъ, слушая эти доводы, упрямо повторялъ:

— Пфа! А что мнѣ сдѣлають нѣмцы?

Тогда его рѣшили оставить въ покоѣ.

Пограничное мѣстечко было похоже на огромный сундукъ со всякой всячиной. Пестрый нищенскій скарбъ валялся прямо на улицѣ, фыркали лошади, наспѣхъ запряженныя въ подводы, и пронзительно визжалъ чей-то поросенокъ, посаженный въ корзину. Мальчишки, обрадовавшись неожиданной свободѣ, гонялись другъ за другомъ по улицѣ, поднимая цѣлые столбы пыли, и только взрослые, иногда отрываясь отъ работы, съ тревогой поглядывали на западъ. Но тамъ тянулась обычная болотистая равнина, и было до-жуткости спокойно.

Послѣдней уѣзжала Фрейда Фибишъ, сосѣдка Меркеля. Она измучилась, лова бѣлую насѣдку, и теперь стояла, запыхавшаяся и красная, возлѣ повозки. Глядя на ея красивые глаза и растрепанные, черные волосы, Меркель вспомнилъ свою единственную, рано умершую дочь Ревекку, и въ первый разъ за весь день

ласковой улыбкой освѣтилось его старое лицо. Онъ вошелъ въ свою лавочку, досталъ четвертку дешеваго чая и, сунувъ ее въ руку, Фрейдъ, сказалъ:

— На, возьми на дорогу. А' это—тебѣ,—протянулъ онъ нѣсколько карамелекъ ея маленькому Давиду.

Кудрявый и черноглазый—весь въ мать, сидѣлъ онъ на подводѣ, испуганно поглядывая вокругъ. Привыкшій къ постояннымъ окрикамъ, онъ недовѣрчиво взялъ карамельки и крѣпко сжалъ ихъ въ кулакѣ.

Фрейда вдругъ всплеснула руками:

— И кто бы могъ подумать, Меркель, что все это случится, а? Жили мы, жили—а теперь...

Она видимо искала сочувствія въ старикѣ, но тотъ промолчалъ и лицо его сдѣлалось безучастнымъ.

Оно не измѣнилось даже и тогда, когда подвода тронулась въ путь и Фрейда въ послѣдній разъ крикнула:

— Прощайте, Меркель! Можетъ-быть, еще увидимся!

Старикъ только пошевелилъ губами и пробормоталъ:

— Глупые... И здѣсь—умереть, и тамъ—умереть—не все ли равно?

Онъ вернулся къ себѣ и началъ убираться въ своей убогой лавченкѣ, переставляя съ мѣста на мѣсто пачки съ папиросами и пестрые цибики чая. Потомъ, выдвинувъ ящикъ, нѣсколько разъ пересчиталъ дневную выручку. Старикъ нарочно дѣлалъ все это медленно, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь время, но день казался безконечнымъ. Когда онъ снова вышелъ на крыльцо, солнце еще высоко сверкало въ небѣ. На пыльной улицѣ уныло бродили забытыя куры, валялся чей-то сломанный стулъ съ выбитымъ сидѣньемъ и, точно снѣгъ, бѣлѣли перья изъ перины, разсыпанныя у забора. А на западѣ, гдѣ небо было безмятежно ясно, словно громадный ястребъ, рѣялъ непріятельскій аэропланъ, и тревожное урчанье мотора доносилось съ порывами вѣтра.

Хаймъ Меркель сѣлъ на ступеньки, съ любопытствомъ наблю-

дая за плавными движеніями этой, еще невиданной имъ, птицы.

Сзади него вдругъ послышался конскій топотъ.

Трое казаковъ осторожной рысцой двигались по улицѣ. Замѣтивъ Меркеля, они направились къ нему.

— Эй, стариканъ! Не видалъ ли ты нашего товарища?—спросилъ одинъ изъ нихъ—рыжій и бородатый дѣтина съ калмыцкимъ лицомъ.

Меркель отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, панове, не видалъ,—сказалъ онъ.

— Навѣрно, утекъ,—увѣренно вставилъ другой—помоложе.

— Какъ же утекаешь! На него небось десять чертей навалилось!—злбно возразилъ третій, у котораго лихо заломленный картузь какимъ-то чудомъ держался на черныхъ и жесткихъ волосахъ.

Тутъ только Меркель замѣтилъ свѣжую кровь на сапогахъ и на сбруѣ казаковъ.

— А что, панове, уже дрались?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да, было дѣло,—спокойно замѣтилъ бородатый,—пятокъ, а то поболѣ ссадили! А потомъ къ нимъ еще разъѣздъ подошлѣ. Ну, думаю, надо увилить! Тутъ Сенька отъ насъ и отбился. Жалко,—добавилъ онъ,—добрый казакъ былъ!

— И напористый до страсти,—подтвердилъ другой.

Казакъ немного помолчали.

— Ты что же зимовать что ли собираешься?—насмѣшливо спросилъ Меркеля молодой казакъ.—Смотри, дѣдка, нѣмцы-то тебѣ кишки выпустятъ!

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—упрямо поджалъ губы старикъ.

— А то садился бы лучше ко мнѣ,—подмигнулъ казакъ,—авось за хвостъ удержишься!

Казакъ дружно захохотали.

Меркель насупилъ сѣдые брови.

— Развѣ я что-нибудь сдѣлалъ дурное панамъ? Или я чѣмъ обидѣлъ ихъ?—ворчливо сказалъ онъ.—Пусть ужъ панове смѣ-

ются надъ молодыми, а надъ старикомъ смѣяться нехорошо.

И Меркель сердито отвернулся.

— Ишь ты какъ осерчалъ!—удивился казакъ.—Ну, и сиди здѣсь на печи, коли нравится! Что жъ, поѣхали, что ли, ребята?

Казакъ дернули поводьями и крупной рысью помчались по улицѣ. Вихрастый щенокъ покатился вслѣдъ за ними, ныряя въ пыли, но, получивъ ударъ нагайкой, жалобно взвизгнулъ и замолкъ.

Наступалъ душный, лѣтній вечеръ.

Хаимъ Меркель попрежнему сидѣлъ, съ напряженіемъ глядя на западъ, гдѣ уже исчезъ непріятельскій аэропланъ и порозовѣло вечернее небо.

Все ниже и ниже опускалось золотое солнце. Сизая пила лѣса словно распливила его смолистый торецъ, и сверкающія сыпались опилки на дорогу. Какой-то предметъ ослѣпительно блестѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Меркеля.

Старикъ подошелъ и потрогалъ его палкой. Это оказалось коробкой изъ-подъ шпротъ, гдѣ лежали мотокъ черныхъ нитокъ и нѣсколько сломанныхъ иголокъ.

«Должно быть Фрейда оставила», подумалъ Меркель.

Ему почему-то представились сконфуженныя лица жителей поселка, когда вернувшись они узнаютъ, что все было спокойно, и что старый Меркель былъ правъ, оставаясь на мѣстѣ. Эта мысль показалась ему забавной, и онъ засмѣялся хитрымъ смѣшкомъ.

— И съ чего имъ нужно было ѣхать, а?—пробормоталъ онъ.

Его взглядъ внезапно упалъ на зазубренную полосу далекаго лѣса, и сердце старика тревожно стукнуло. Три тонкихъ пики колыхались въ пламени зари. Людей не было видно. Казалось, что плыли эти пики сами собой навстрѣчу Меркелю. Но это длилось только нѣсколько мгновений. Черныя каски съ острокопечными шишаками выросли изъ-за лѣса и словно врѣзались въ

закатное небо. Отрядъ остановился. До слуха Меркеля донеслась отрывистая нѣмецкая команда и вслѣдъ за ней рѣзкій залпъ прокатился по деревнѣ.

Старикъ вздрогнулъ и отскочилъ къ стѣнѣ. Одну минуту онъ даже раскаивался, что не уѣхалъ вмѣстѣ съ другими, но потомъ успокоился.

«И зачѣмъ они будутъ разстрѣливать бѣднаго еврея?—подумалъ онъ.—И какая имъ съ этого выгода?»

Отрядъ приближался.

Впереди ѣхалъ толстый вахмистръ съ багровымъ лицомъ и голубыми на выкатѣ глазами. Его шаровары защитнаго цвѣта плотно облегали жирныя ляшки, а каска, закрытая чехломъ, была похожа на огромную рѣдьку.

— Du, Alte!—крикнулъ онъ, почти наѣхавъ на Меркеля,—wo sind die Russen?

Меркель сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ по-нѣмецки.

Тогда нѣмецъ повторилъ фразу по-русски, довольно правильно выговаривая слова.

— И здѣсь—русскіе, и тамъ—русскіе,—уклончиво отвѣтилъ имъ Меркель.

— И на лунѣ?

Вахмистръ поднялъ мясистый палецъ кверху и захохоталъ, радуясь своей острогѣ.

— Слушай, Отто,—обернулся онъ къ слѣдовавшему за нимъ бѣлобрысому кавалеристу,—я увѣренъ, что этотъ старый хрычъ знаетъ кое-что, только не говоритъ. Ну, да мы посмотримъ!

Онъ грузно спрыгнулъ съ лошади и остановился, поджидая третьяго товарища. Тотъ медленно подвигался по улицѣ, держа подъ уздцы поджарую казацкую лошаденку.

Безъ шапки, со связанными назадъ руками сидѣлъ на ней Сенька, мрачно опустивъ голову. Его безусое лицо съ рѣзкой чертой загара на лбу выражало досаду, а изъ правой руки сочилась кровь, застывая на разорванномъ рукавѣ.

Вахмистръ подошелъ къ Сенькѣ и уперѣвъ руки въ боки,

закачался своимъ огромнымъ тѣломъ.—Kosaken, Kosaken!—пастѣшливо запѣлъ онъ, выпячивая нижнюю губу.

—Kosaken, Kosaken!—подхватили остальные, тоже раскачиваясь на сѣдлахъ.

Сенька презрительно отвернулся.

—Nieder mit Kosaken!—топнулъ ногой вахмистръ и побѣдоносно потрясъ шашкой.

Эта шутка всѣмъ чрезвычайно понравилась, и ее повторили нѣсколько разъ, распѣвая на разные лады и направляя шки на Сеньку.

Меркель, стоявшій у стѣны, съ изумленіемъ наблюдалъ происходившее. На умномъ лицѣ еврея играла чуть замѣтная проиническая насмѣшка.

—Absteigen!—крикнулъ вдругъ вахмистръ и ударомъ кулака сшибъ Сеньку на землю.

Тотъ упалъ на большую руку, но не поморщился и только стиснулъ зубы.

Нѣмцы захохотали.

—Мы его свеземъ въ клѣткѣ нашему кайзеру,—замѣтилъ бѣлобрысый.

—Или сдѣлаемъ изъ него колбасу,—вставилъ вахмистръ,—die Kosake braturures! Ха-ха-ха! Das schmeckt gut!

Снова раздался общій взрывъ хохота.

Вахмистръ вдругъ грозно посмотрѣлъ на Меркеля.

—Пиво есть?—спросилъ онъ.

Старикъ замялся. Дѣйствительно, онъ тайно торговалъ пивомъ, но боялся его давать и безъ того воинственнымъ нѣмцамъ.

—Можетъ быть, панове хотятъ квасу?—хитро замѣтилъ онъ.

—Ну,—ну!—побагровѣлъ нѣмецъ.—Давайте пиво!

Онъ выхватилъ револьверъ и направилъ его на Меркеля.

Вахмистръ и бѣлобрысый кавалеристъ вошли въ лавку, пинками подталкивая впереди себя Сеньку. Третій же товарищъ,

получивъ какое-то приказаніе отъ вахмистра, вскочилъ на лошадь и вскорѣ скрылся за поворотомъ дороги.

При видѣ нѣсколькихъ бутылокъ пива, которыя Меркель вытащилъ изъ-подъ прилавка, лица нѣмцевъ просіяли.

Вахмистръ даже потрепалъ еврея по плечу.

— Скоро вы всѣ будете пить пиво,—снисходительно сказалъ онъ,—нашъ кайзеръ завоюетъ всю Россію.

Нѣмцы подняли стаканы до уровня глазъ, точно по командѣ произнесли—Prosit, и съ шумомъ опустили стаканы на прилавокъ.

Началась форменная попойка.

Толстый вахмистръ вначалѣ расчувствовался, вспомнилъ какую-то Appachen, оставленную дома, и, мечтательно закативъ глаза, зашѣлъ:

„Ich weiss nicht was soll das bedeuten“,
„Dass ich so traurig bin!“

Бѣлобрысый кавалеристъ благоговѣнно вторилъ ему, махая въ тактъ рукой.

Но такое мирное настроеніе продолжалось недолго.

По мѣрѣ опустошенія бутылокъ, тонъ пруссаковъ становился все нахальнѣе и развязнѣе. Съ красными, возбужденными лицами стояли они, ругая Россію и русскихъ и громко стуча кулаками по прилавку. Затѣмъ уже совсѣмъ пьяными головами зашѣли популярную нѣмецкую пѣсню:

„Ein Schuss—mit dem Russ“
„Ein Schoss—mit Franzos!“
„Russen und Serben“
„Mussen alle sterben!“

Сенька сидѣлъ въ углу на ящикѣ, съ безысходной тоской глядя на окно, гдѣ трепетало алое знамя зари. «Небось, теперь наши чай пьютъ,—подумалъ онъ,—а Гаврилычъ рассказываетъ

еть, сколько нѣмцевъ ссадилъ. И, навѣрное, все вретъ. Скажетъ еще, что это онъ ихняго офицера свалилъ! А это я его пашкой огрѣлъ, а не онъ... Онъ ужъ опосля подскочилъ... Эхъ!—Кабы не моя рука!..» и Сенька съ ненавистью посмотрѣлъ на нѣмцевъ.

Вахмистръ уже былъ сильно пьянъ.

Съ самодовольнымъ видомъ хвастался онъ своей мѣткостью, увѣряя, что никто въ эскадронѣ не можетъ съ нимъ сравиться въ стрѣльбѣ.

Бѣлобрысый подобострастно поддакивалъ ему.

— Я стрѣляю не хуже Вильгельма Телля, да!—воскликнулъ онъ наконецъ, и побѣдоносно поглядѣлъ вокругъ.

Взглядъ его упалъ на Сеньку, и тупая улыбка пробѣжала по лицу вахмистра.

Пошатываясь, подошелъ онъ къ казаку и жирными пальцами взялъ его за подбородокъ.

— So!—сказалъ онъ, поднимая его голову, и ставя на нее пустой стаканъ.

Сенька сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ поблѣднѣлъ, но старался казаться молодцомъ и даже попробовалъ усмѣхнуться. Только тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ расширенныхъ зрачковъ увидѣлъ Меркель весь ужасъ того, что происходитъ.

Старый еврей не выдержалъ. Онъ подбѣжалъ къ вахмистру и вцѣпился въ его руку.

— Пане, пане, не надо стрѣлять, не надо,—залепеталъ онъ.

— Halt's Malu!—въ бѣшенствѣ крикнулъ нѣмецъ, грубо отталкивая его и поднимая револьверъ.

Рука у него дрожала.

— Оставь, еще услышитъ кто-нибудь,—съ безпокойствомъ сказалъ бѣлобрысый.

Но вахмистръ уже спустилъ курокъ. Раздался сухой трескъ выстрѣла, и пуля, расщепивъ стѣну, впиалась въ двухъ вершкахъ отъ Сенькиной головы.

— Попалъ пальцемъ въ небо,—проворчалъ Сенька.

Вахмистръ съ досадою обернулся.

— Пустяки,—сказалъ онъ,—я просто мало выпилъ. Слѣдующій выстрѣлъ будетъ удачнѣе! Старикъ, еще пива!

Меркель молча указалъ на пустыя бутылки.

— Я тебя заставлю слушаться, мерзавецъ!—заоралъ пѣмецъ и схватилъ Меркеля за бороду.

Глаза старика сверкнули и гнѣвныя складки сдвинулись на лбу. Но потомъ взглядъ этотъ потухъ и странная усмѣшка скривила его губы.

— Если ужъ, панове, хотятъ, я могу достать имъ хорошаго вина,—замѣтилъ Меркель.

Въ тонѣ его послышалась какая-то жуткая вкрадчивость.

Нѣмцы закивали головами.

Старикъ подошелъ къ западнѣ, находившейся посреди лавки, и поднялъ ее за кольцо.

Подъ ней скрывался глубокій погребъ, заваленный ящиками, съ разломанными корзинами, соломой и всевозможной рухлядью.

Меркель спустился туда съ огаркомъ въ рукѣ и долго стучалъ тамъ какими-то бутылками.

— Однако старый плутъ умѣетъ прятать то, что нужно!—засмѣялся вахмистръ.

Оба нѣмца стояли наклонившись у западни, откуда вѣяло сыростью и холодомъ.

Наконецъ, показалась сѣдая голова старика.

— Можетъ быть, панове сами вытаскаютъ корзину,—сказалъ онъ она слишкомъ тяжела для меня.

— Слушай, Отто,—ты оставайся здѣсь, а я полѣзу,—замѣтилъ вахмистръ,—а въ случаѣ чего,—тихо добавилъ онъ,—пристрѣли его, какъ собаку.

Нѣкоторое время царило молчаніе.

Наконецъ, откуда-то снизу послышался глухой голосъ:

Фу ты, чортъ, ну и корзина! Да еще керосиномъ воняетъ! Настоящее русское свинство!

Потомъ донеслось кряхтенье и отборное ругательство.

— Эй, Отто, полѣзай ко мнѣ! Можетъ быть мы вдвоемъ ее поднимемъ!

Отто, держа въ рукѣ револьверъ, осторожно началъ спускаться по лѣстницѣ.

Когда голова нѣмца скрылась въ западнѣ, Сенька взглянулъ на еврея. Онъ стоялъ на ступенькѣ, сторбившись и опустивъ огарокъ. Его лицо съ рѣзкими морщинами, освѣщенное сбоку блѣднымъ свѣтомъ зари, а снизу багровымъ пламенемъ свѣчи, — казалось зловѣщимъ. Одно мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились, и Сенька какимъ-то чутьемъ угадалъ страшный планъ старика.

Меркель вдругъ выпрямился, вскрикнулъ что-то непонятное для Сеньки и ринулся внизъ.

Огромный столбъ пламени вырвался изъ подполья.

Старикъ съ обожженной бородой и опаленными бровями выскочилъ оттуда и мгновенно захлопнулъ западню.

Изъ погреба слышались нечеловѣческіе крики.

— Великъ Богъ Израиля!—воскликнулъ старикъ.

Глаза его дышали ненавистью и самъ онъ былъ похожъ на грознаго библейскаго пророка.

— Дѣдушка, горишь, горишь!—закричалъ Сенька, пытаясь освободиться отъ веревокъ.

Но старикъ не обращалъ на него вниманія. Поднявъ кверху руку, запѣлъ онъ гортаннымъ голосомъ древнюю еврейскую пѣснь.

Сизыя струи дыма поднимались изъ щелей и, клубясь, наполняли комнату. Снизу отчаянно стучали, пытаясь поднять западню, и крѣпкая задвижка уже начала поддаваться.

Тогда старикъ бросился на полъ и всей тяжестью придавилъ западню. Сенька послѣднимъ усиліемъ сбросилъ съ себя веревки и подбѣжалъ къ Меркелю. Здоровой рукой пытался онъ приподнять старика и потушить на немъ пылающую

одежду, но тотъ крѣпко держался крючковатыми пальцами за кольцо.

— Бѣги, бѣги!—хрипло проговорилъ онъ.

Сѣдя пряди волосъ падали ему на лицо, и безумный взглядъ его былъ ужасенъ. А на полу раскаленной рѣшеткой свѣтились огненные щели.

Сенька не выдержалъ. «Колдунъ»—пронеслось у него въ головѣ, и онъ опрометью выбѣжалъ изъ лавки.

Бѣшено мчался онъ на нѣмецкой лошади, пригнувшись къ сѣдлу и боясь оглянуться назадъ. Только проскакавъ версты двѣ, онъ остановился.

Кругомъ мирно трещали кузнечики и пахло чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. А сзади за дубовой рощей, словно вырѣзанной изъ черной бумаги, полыхало багровое зарево.

Сенька внезапно почувствовалъ себя свободнымъ, и ему захотѣлось какъ-нибудь гаркнуть или свистнуть по-молодецки.

Одно мгновенье онъ даже пожалѣлъ сгорѣвшихъ нѣмцевъ, но потомъ ухарски тряхнулъ головой.

— Тоже стрѣлки!..—усмѣхнулся онъ.—А вотъ я бы не промазалъ!

Гдѣ-то на востокѣ взвилась сигнальная ракета и золотымъ горохомъ разсыпалась въ кубовой сини.